

Ну вот, попал я в 1988 год. Что поразило: яркость красок, объемность изображения. Потому что за 30 лет все в моей памяти повыцвело, стало плоским, вроде старой открытки. Лето. Стою на площади С., куда приходят все автобусы из соседних деревень, озираюсь.

Городок наш и в двухтысячные был неказистым, а в 88-м выглядел еще хуже. «Куда коммунисты только деньги девали», — деланно удивлялись остряки-либералы все 30 лет, когда видели строящиеся (все-таки) жилые дома, банки, а особенно супермаркеты. На заводы и массовую застройку — вот ответ. Но и правда, на площади С. пыльно, асфальт разбит, безобразно разросшиеся кусты закрывают полуразрушенную церковь — то ли склад, то ли бывший ведомственный клуб. «Порубят вас, — мысленно говорю кустам, — лет 20 осталось, не больше». Церковь в мое время восстановили.

Мое! Не очень-то и мое, раз я снова здесь. Там — неопределенность, бедность, одиночество. Ну и начинающаяся старость, конечно. Да ничего страшного, у других хуже, болезни, например, кто-то и не выжил, а все-таки грустно и неприятно. Нет, я то (это) время своим не считал. Ни один год девяностых, нулевых, десятых.

Вот стою в пыли 88-го года. Автобусы из пригородов причаливают, выходят парни в белых рубашках и брюках из смесовой ткани. Некоторые, конечно, в джинсах. Многие в кепках. Каким выгляжу я в китайских кроссовках, китайских же джинсах, то ли вытертых, то ли вываренных. В черной майке с портретом робота Бендера? Может быть, даже и стилигой, модником. Деревенские идут мимо, смотрят на меня высокомерно (комплексуют). Приехали в город развлечься, к примеру, на дискотеку. Ночью обратно. А, нет, мне же 50 лет, я весь в морщинах, полуседой, тощий, как скелет, отсюда столько презрения у них. Жалок молодящийся. Таков мировой бродячий сюжет. Может, думают, я из новых извращенцев, которых развелось как раз в это время? Нет, не из них.

Но что это я стою? Надо что-то делать.

Я ощущал ломоту, странную, тянущую боль во всем теле. Как будто разламывался на две половинки, сверху вниз. Слева — одна эпоха (старше), справа — другая, моложе. Каждая болезненная часть была словно затянута тонкой полупрозрачной пленочкой, легко поддающейся нажатию пальца. Брр.

Но что мне делать? Предупредить Ельцина и Горбачёва — а стоит ли? И не реально пробиться в Кремль. Про ядерное разоружение и мечтать нечего. Сказать Цюю, чтобы не садился за руль «москвича» в тот роковой день? Но ведь это случится куда позже. А сейчас, не могу сообразить, он уже с Айзеншписом, то есть звезда, и не подступиться, или еще можно запросто? Но это же в Питере, а дотуда не добраться. В наш город первый и последний раз «Кино» придет только в 90-м, кажется, и сразу на стадион.

И, кстати, денег у меня нет вообще. Даже копейки на газводу. Даже трех копеек на трамвай. Куда пойти? В универ, посмотреть на самого себя? Насмотрюсь еще в будущем.

К друзьям? Золотое же время, все живы и бодры. Ироничный Д., думаю, читает новое издание Набокова (их выходит полно, только успевай покупать, и стоят недорого) с карандашом в руках, оставляя на полях остроумные пометки. Будущий профессор-филолог, ему положено. Жовиальный Б. или с девицей договаривается, или уже пьет пиво (то есть, водку-портвейн-коньяк) на чьей-нибудь «хате». Г. в видеосалоне (появились уже, ведь точно?), например, в ДК канифольной фабрики или Молодежном центре... Ну, с ними не все так просто, но живы же, перенесли и восьмидесятые, и все остальные... И последние полгода тоже.

Правда, что без денег-то делать? Я двинулся в центр.

На встречах я глядел с какой-то жалостью (впервые за много лет чувствуя свое превосходство). Наивные, смешные, просто дети, если задуматься. Как там у Блока? Не помню, но что-то в этом роде. Им такое еще предстоит!

Но что я могу сделать для них? И не поверят, конечно, и не изменить ничего.

Даже воспользоваться выгодами попаданца, о которых пишут в популярных тридцать лет тому вперед романах, не получится. Деньги советские копить? Не смешно. Золото покупать? Так оно здесь страшный дефицит, и вдобавок не поймешь, выгодно или нет. Ну, в начале 90-х можно бизнес по компьютерам открыть... а в 88-м что? Вступить в Общество содействия перестройки, чтобы политкарьеру при демократах сделать? Пожалуй, можно — вот точно, это можно — я там самый старый буду, уважать начнут... Через 30 лет мне будет 80, и эти годы пройдут весело, а может, и богато. В общих чертах я все помню, когда какие перемены, смогу колебаться вместе с линией истории. Но с чего начать? Теряюсь.

Уж не говоря, что всю жизнь к такого рода карьере я всегда испытывал презрение. Не поздноато ли перестраиваться? О господи, тут еще и слово «перестройка» в новинку!

К родителям бы пойти. Бабушку бы увидеть. Вдруг узнают своего ребенка, как в книжках, вопреки всей логике? Вообще, на них живых посмотреть еще раз, может, хоть издали... Ну, здесь даже кошка еще жива, которая со мной с детства была, на нее тоже глянуть...

Нет, надо как-то глобальнее. Про еду, миллион вкусных намеков, раздающихся отовсюду, я старался не думать. Не отъедаться я сюда прибыл. Хотя есть хотелось чертовски.

Ближе к центру стали попадаться люди, одетые примерно, как я, но с другими прическами. Правда, все меня моложе. Эти поглядывали с неким уважением — мол, братя, не отстаешь от моды, молоток. Может, за иностранца принимали. Хотя тянул я в лучшем случае на поляка или чеха. На прибалта, во.

А может, в КГБ пойти? В секретную какую-нибудь лабораторию? Может, они уже ведут аналогичные работы — с попаданцами? (И что за слово отвратительное, как все мое время, все его герои и чемпионы.)

Однако в лучшем случае запрут от всех. В худшем — в психушку отправят как раз лет на 30, доказывай потом, что все твои предсказания сбылись. Да пусть не на 30, мне и года хватит, чтобы и впрямь с ума сойти.

Не лучше ли исчезнуть, раствориться в дешеснем море людском? Скрыться на какое-то время, уехать в тайгу, или в горы, в Среднюю Азию, забомжевать в конце концов (в эти годы уже можно), а потом все понесется, ускорится, и до меня никому не будет дела. Всего года два-три пересидеть... Укрыться, спастись. Не этого ли я и хотел?

Не об этом ли мечтал — о снятии с меня, настоящего, этого случайного клейма неудач, провалов, всей дурацкой биографии — прожитого времени, одним словом?

Пожалуй, так. Разворачиваюсь в сторону вокзала — и прочь отсюда.

Курить еще хотелось. В том (теперь этом?) времени, помню, была манера запросто просить сигареты у прохожих. Курящих было много. Но на папиросы или так называемые овальные сигареты (без фильтра)

вроде «Луча» или «Примы» я был неспособен. А курили в основном их. Я вообще курить бросил десять лет как.

На углу улицы К. и проспекта Л., где потом разместится епархия, а сейчас обшарпанное казенное здание неопределенно синего цвета, стоял невысокий мужичок и курил что-то с фильтром. На нем были синие же нетрущиеся джинсы (дешевка, армянские или «Тверь»), армейский ремень, белые парусиновые тапочки и пологагая рубашка (местная фабрика «Авангард»). На голове — серая кепочка с длинным козырьком и красной надписью «Речфлот».

— Не найдется закурить? — не без труда вспомнил я старинную формулу, кажется, что-то напутав.

— Ага, — сказал мужичок, подавая мне открытую пачку.

Я протянул руку, да так и застыл, раскрыв рот. «Петр I»! Марка, которой в 1988 году не было и быть не могло...

— Да-да, — подтвердил мой — вот уж точно — современник. — Привет, коллега. Стоп-стоп, без глупостей.

А я и не собирался ничего делать, пораженный в самое сердце. Да и куда мне было деваться из прошлого?

Он ухмылялся, откровенно разглядывая меня. Все манеры выдавали в нем человека «из органов». Время и место на этих типов накладывало весьма слабый отпечаток.

— Патруль времени? — мрачно пошутил я.

— Ага, — в том же тоне ответил он. — Типа того. Karma Police. Собирайся. Раз-два...

— Погодите... (Я с ним был на вы! Что за притча!)

— Хотя на ясное небо гляну.

(И правда, вот он, единственный уголок синего, выцветшего, как льняной лоскут, пространства над башенками старинного, так называемого Красного магазина).

— У нас ведь с этим не очень... Солнца не видно. Бункер, ядерная зима, все дела. Урезанный рацион. (Чего я извиняюсь, то ли сам не знает).

— Сбежать хотел? — он продолжал ухмыляться. — Отсидеться? Других виноватыми сделать? Дудки. От кармы, знаешь ли, не убежишь.

Он вытянул над головой руку с зажатой в ней пачкой сигарет и нажал невидимую кнопку в середине российского герба. Мир стал блекнуть.

Я еще успел окинуть взглядом пространство слева направо — сделать панорамный снимок, чтобы унести в свою ледяную пустыню: облупившийся край будущей епархии с малозаметной лепниной; идущие по тротуару две девушки в широких юбках из плащевки с большими карманами и полосатых блузках, на голове — покрытые лаком зачесы; за ними «жигули» новомодной восьмой модели, ярко-красные, дефицит, армяне с рынка, наверное; стена тополей еще в пуху; скамейка, кто-то в старомодной серой шляпе-панаме сидит ко мне спиной; на аллее мамаша с огромной коляской розового дерматина; скамейка, лицом ко мне развалился какой-то пьянчуга с блуждающим взглядом; газон; снова тополя; едущий в другую сторону троллейбус (такие еще без малого 30 лет будут в ходу); памятник некрасивому партизану; потом снова Красный магазин — это все на той стороне проспекта, тот же клочок неба над ним... ну, все.

— Прощайте, — сказал я, сам не зная кому. Себе, наверное. ■